

Гоголь так же, как и Руссо (как позднее Толстой), смысл воспитания видит прежде всего в том, чтобы дать выявиться природным добрым началам в человеке. Этой естественной основе характера должно соответствовать и дальнейшее воспитание. Поэтому идеальный наставник у Гоголя — Александр Петрович (из второго тома «Мертвых душ») «многих резвостей <...> не удерживал, видя в них начало развиться свойств душевных и говоря, что они ему нужны, как сыпи врачу: затем, чтобы узнать достоверно, что именно заключено внутри человека» (VII, 12).²⁰

Согласно одной из главных идей «Эмиля», Александр Петрович позволял детям и в ученье оставаться детьми, и только в последнем классе «он требовал от воспитанника всего того, что иные неблагоразумно <требуют> от детей» (VII, 12). В соответствии с теми же принципами «умел он передать самую душу науки, так что и малолетнему было видно, на что она ему нужна» (VII, 13).

Вообще же Гоголь с его устремленностью в область морали, понимаемой им неисторически, довольно равнодушен к положительным наукам. Здесь он подхватывает идею Руссо — мы можем быть людьми, не будучи учеными,²¹ и в этом опять-таки предвосхищает Толстого. Его идеальный наставник преподает не книжные теории, а «науку жизни», делая своим ученикам «бесперывные пробы». Та же постановка вопроса и в других произведениях Гоголя.

В «Тарасе Бульбе» одуряющей бурсе с ее схоластическим преподаванием писатель противопоставляет Запорожье, где «не было никакого теоретического изучения или каких-нибудь общих правил; все юношество воспитывалось и образовывалось в нем одним опытом» (II, 301).

В «Театральном разезде» читаем: «Слышите ли вы, как верен естественному чутью и чувству человек? Как верен самый простой глаз, если он не отуманен теориями и мыслями, надерганными из книг, а черплет их из самой природы человека!» (V, 146).

Резко отрицательными чертами рисуется в «Мертвых душах» преемник Александра Петровича — Федор Иванович, выписавший новых преподавателей, которые «забросали слушателей множеством новых терминов и слов; показали <...> в своем изложении и

зывались как бы присущими ему от рождения. «Еще сызмала непонятно каким образом образовалось и существовало в нем это чувство, — писал Гоголь. — Он уже питал нежное влечение ко всякого рода движимым и особенно недвижимым именьям» (VI, 556; курсив наш, — Е. С.). В ходе работы над поэмой писатель отбрасывает приведенный текст, а приобретает стремления Чичикова получают мотивировку в наставлениях его отца.

²⁰ Ср.: «Благоразумный человек, долго следите за природой, наблюдайте за вашим воспитанником прежде чем сказать ему первое слово; предоставьте сначала зародышу его характера обнаруживаться вполне свободно, не стесняйте его в чем бы то ни было, чтобы лучше видеть его в целом» (Ж.-Ж. Руссо. Эмиль, или О воспитании, стр. 72—73).

²¹ Там же, стр. 285.